

Зарин Андрей Ефимович

Повести и рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Повести и рассказы / Зарин Андрей Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 407 с.

ISBN 978-5-519-85668-3

ISBN 978-5-519-85668-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Рыжій еврей видимо обрадовался случаю поговорить:

— Онъ самый... Онъ очень умный, хочетъ учиться и сдѣлать ученую дорогу, только онъ совсѣмъ бѣдный, и я взялъ на себя привезти его съ Гродно на Вильну. Я самъ бѣдный, но всегда готовъ помогать и кормлю его всю дорогу.

Молодой еврей вспыхнулъ отъ безцеремонности своего покровителя, а покровитель трактовалъ о немъ, какъ о неодушевленномъ предметѣ, поощряемый напряженнымъ вниманіемъ своей слушательницы.

— Онъ ужасно бѣдный. Когда я увидѣлъ его въ Гродно, онъ былъ совсѣмъ неодѣтъ, и я далъ пальто и сказалъ: ѣдемъ въ Вильну. Онъ былъ очень радъ, и я его довезъ уже сюда; но у меня самого жена, дѣти, и я не могу все самъ.

Толстая маменька слушала еврея, сочувственно вздыхала и качала головою.

— Чему же онъ учиться хочетъ?

— Всему. Онъ хочетъ себѣ сдѣлать по ученой дорогѣ...

Въ это время ударилъ колоколъ, возвѣщавшій приближеніе поѣзда; начальникъ станціи выбѣжалъ на платформу, кассиръ открылъ свое окошечко, и всѣ встали, направляясь къ нему, не обращая болѣе вниманія на евреевъ.

Молодой еврей подошелъ къ своему покровителю и съ жаромъ началъ говорить ему что-то вполголоса; покровитель снисходительно улыбнулся, махнулъ рукою и тоже направился къ кассѣ.

Поѣздъ, тяжело пыхтя, подошелъ къ станціи и остановился, громяхая цѣпями.

Кондукторъ прокричалъ: «Станція Олькеники, поѣздъ стоитъ три минуты»! Пассажиры маленькой станціи быстро скрылись въ вагонахъ; кондукторъ свистнулъ трелью, поѣздъ вздрогнулъ, громыхнулъ цѣпями и покатился дальше.

Юноша-реалистъ вошелъ въ вагонъ 3-го класса и сѣлъ у окошка. Въ углу у двери онъ увидѣлъ молодаго еврея и его покровителя.

Въ свою очередь и они замѣтили его, и шептавшись между собою, поднялись и направились къ нему, осторожно ступая между скамейками.

— Позвольте васъ беспокоить,—робко обратился молодой еврей къ реалисту.

Тотъ поднялъ глаза и отвѣтилъ:

— Сдѣлайте одолженіе, что угодно?—причемъ подвинулся на скамейкѣ, очищая подлѣ себя мѣсто.

Покровитель быстро усѣлся на очищенное мѣсто: молодому пришлось сѣсть напротивъ.

Это былъ худощавый, высокій юноша; тонкія черты лица съ красивымъ типичнымъ носомъ и большими карими глазами производили сразу пріятное, располагающее впечатлѣніе. Одѣтъ онъ былъ въ сильно-ношенное коричневое пальто, очевидно съ чужаго плеча; на головѣ его была мягкая шляпа съ огромными измятыми полями, въ рукахъ онъ держалъ книжку въ красной оберткѣ. Теперь онъ прижималъ эту книжку къ своей груди и съ какимъ-то трепетомъ и благоговѣніемъ глядѣлъ на реалиста. Онъ и не могъ глядѣть иначе. Ему такъ страстно хотѣлось поступить куда нибудь, что во всякомъ носящимъ форму онъ видѣлъ существо высшаго порядка.

— Онъ у васъ хочетъ спрашивать, — заговорилъ покровитель, фамиллярно дотрогиваясь рукою до колѣнки реалиста, — какъ трудно поступать въ гимназію и куда ему можно?

Реалистъ инстинктивно отдернулъ ногу и обратился къ молодому еврею:

— Вы куда же поступить хотите? — спросилъ онъ его участливо.

Въ своей короткой жизни ему не случалось видѣть страстнаго стремленія къ знанью, и сцена на станціи поразила его воображеніе; онъ заинтересовался евреемъ-нищимъ, желающимъ учиться, и теперь, видя передъ собою его, блѣднаго, длиннаго, съ робко глядящими глазами, онъ хотѣлъ сойтись съ нимъ ближе, помочь ему, хотѣлъ увидѣть въ этой приниженной фигурѣ что-нибудь сильное, героическое.

— Онъ только учиться хочетъ, а куда поступить и самъ не знаетъ, — отвѣтилъ за него покровитель. — Такъ, Лейзеръ? — обратился онъ къ нему.

Тотъ кивнулъ утвердительно головою и покраснѣлъ.

Реалистъ, не обращая вниманія на своего соседа, продолжалъ разспрашивать молодого еврея.

Искреннее участіе и юношеская простота скоро побѣдили робость еврея; онъ мало-по-малу оживился и заговорилъ:

— Я учиться хочу... Всему учиться. Мнѣ бы теперь только поступить куда-нибудь.

— Да вы много знаете?

— Я не знаю—много-ли. Я учусь всего одинъ годъ... Мнѣ пришлось начинать съ азбуки. Если

бы вы знали, чего мнѣ стоило одно мое желаніе! Сколько вынесъ я горя, лишенія за это короткое время!... О, я много страдалъ! И за что? За то только, что хотѣлъ учиться!

Глаза его разгорѣлись, на щекахъ появился румянецъ, онъ говорилъ то отнимая отъ груди книжку, то прижимая ее снова къ груди; а его покровитель, одобрительно улыбаясь, время отъ времени поощрялъ его, говоря: „такъ, Лейзеръ, такъ!“ и обращаясь къ реалисту, прибавлялъ: „онъ очень умный будетъ, очень ученый“!

— Въ Гродно меня готовилъ одинъ гимназистъ къ шестому классу реального училища. Всему училъ, кромѣ языковъ.

— А вотъ сейчасъ узнаемъ, что вы знаете,—оживленно проговорилъ реалистъ и полусуштя, полусерьезно сталъ экзаменовать его.

Онъ былъ пораженъ и очарованъ. Въ такое короткое время, начавъ съ азбуки, еврей успѣлъ узнать столько, что могъ поступить въ пятый классъ.

— Когда вы приѣдете въ Вильну,—съ жаромъ сказалъ реалистъ,—вы сейчасъ же ко мнѣ идите... Я скажу товарищамъ. Мы васъ проэкзаменуемъ и все вамъ сдѣлаемъ, все, что только можемъ. Я увѣренъ, что мы васъ подготовимъ и вы станете нашимъ товарищемъ,—добавилъ онъ, счастливо улыбаясь, довольный въ душѣ, что можетъ принести пользу.

— Благодари, Лейзеръ,—внушилъ покровитель.

— Я вамъ очень благодаренъ!—сѣмъ только произнести бѣдный еврей и съ жаромъ добавилъ:—О, я буду учиться, вы не потеряете даромъ времени!

— Онъ очень умный!—ввернулъ п окровитель.

Они оживленно говорили всю дорогу. Вѣрнѣе они мечтали, и молодой еврей, совсѣмъ ожившій, съ разгорѣвшимися глазами, говорилъ о своихъ далекихъ планахъ.

О, это великіе планы... Слушая ихъ, юный реалистъ распалялся все большею любовью къ нищему-еврею и давалъ себѣ въ душѣ сотый разъ клятву помочь своему нечаянному спутнику всѣмъ, чѣмъ можетъ. Онъ уже видѣлъ въ немъ героя, и страданія еврея казались ему свѣтлымъ ореоломъ на головѣ мученика за идею.

Поѣздъ подходилъ къ Вильнѣ. Пассажиры стали суетиться, прибирая свои вещи!

Реалистъ обратился къ своему спутнику:

— Такъ завтра же и идите ко мнѣ... Я вамъ адресъ сейчасъ дамъ.

Онъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ бумагу и, оторвавъ отъ нея лоскутокъ, написалъ свой адресъ:

„Михаилъ Степановичъ Обуховъ. Преображенская, домъ Козубскаго“.

— Благодарю васъ,—съ чувствомъ сказалъ еврей.—Васъ мнѣ Богъ послалъ на дорогѣ.

Поѣздъ остановился. Пассажиры торопились выйти изъ вагона.

— Такъ до завтра!—сказалъ, кивнувъ головою Обуховъ и скрылся въ толпѣ.

Еврей со своимъ покровителемъ прошли черезъ толпу и вышли на площадь передъ вокзаломъ. Былъ 8-й часъ вечера: солнце уже опускалось, бросая косые лучи свои на пыльную площадь. Покрови-

тель остановился на серединѣ площади и торжественно сказалъ своему молодому спутнику:

— Я все сдѣлалъ тебѣ, Лейзеръ... Я довезъ тебя до Вильны, — это хорошій городъ. — познакомилъ тебя съ полезнымъ человѣкомъ, Я не выпускай его. Больше я ничего не могу! У меня семья, и жена такая злая, что закричитъ на меня, если я приведу тебя къ себѣ; я ничего не могу тебѣ сдѣлать.

Молодой Лейзеръ грустно опустилъ голову.

— Куда же я дѣнусь? — тихо проговорилъ онъ. — Я никого тутъ не знаю.

Рыжій еврей задумался и съ минуту стоялъ, склонивъ голову на лѣвое плечо. Потомъ онъ встряхнулъ головою.

— Слушай, Лейзеръ... Я дамъ тебѣ десять копѣекъ, больше я не могу, потому что у меня семья и жена злая. А чтобы почевать... — И онъ опять задумался. — Вотъ что, Лейзеръ, — снова заговорилъ онъ, — иди ты себѣ прямо и сверни вонъ по той улицѣ направо, — онъ показалъ улицу, — и иди себѣ все прямо и всѣхъ спрашивай: гдѣ хедеръ, въ которомъ Элизаръ меламедомъ? ¹⁾ И когда тебѣ укажутъ хедеръ — иди въ него; и если застанешъ Элизара, говори, что прислалъ тебя я, Гирша Шмулкевичъ, и онъ дастъ почевать тебѣ. Вотъ что!

— Элизаръ, — тихо повторилъ Лейзеръ.

— Да, да, — закивалъ головою Гирша, — меламедъ Элизаръ. Онъ хорошій еврей, его весь городъ знаетъ!

¹⁾ «Хедеромъ» называется школа, гдѣ обучаются еврейскіе мальчижи Талмуду подъ руководствомъ «меламеда» — учителя.

Скажи, что я прислалъ... А теперь прощай, Лейзеръ!

И кивнувъ головою, Гирша, не обращая больше вниманія на Лейзера, быстро пошелъ направо, торопясь уйти, пока не вспомнитъ Лейзеръ про обѣщанный гривенникъ.

Лейзеръ остался одинъ посреди опустѣвшей площади. Жутко ему было, одинокому, въ чужомъ городѣ. Сумерки быстро надвигались. Онъ постоялъ немного, потомъ встряхнулъ головою, какъ бы отгоняя грустныя мысли.

«Прямо, потомъ направо... Меламедъ Элизаръ», повторилъ онъ для памяти, и пошелъ по указанной дорогѣ.

Гирша сказалъ правду. Всѣ встрѣчавшіеся евреи знали меламеда Элизара, и черезъ полчаса Лейзеръ вошелъ на грязный дворъ большаго дома и поднялся по наружной деревянной лѣстницѣ на галерею втораго этажа, гдѣ помѣщался хедеръ. Не доходя до дверей, онъ услышалъ смутный гулъ, несшійся изъ хедера, и нѣсколько ободрился, потому что гулъ этотъ доказывалъ несомнѣнное присутствіе меламеда.

Лейзеръ отворилъ двери и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, осматриваясь и ища глазами меламеда.

Помѣщеніе, куда вошелъ Лейзеръ, оказалось бетъгамидрашемъ, а не хедеромъ, потому что здѣсь же помѣщалась и молельня, отгороженная деревянными перилами. На первомъ планѣ, за двумя длинными столами сидѣло до 12 мальчиковъ, рыжихъ и черныхъ, которые, положивъ локти на столъ, зажавъ

пальцами уши, сидѣли за толстыми книгами и, въ тактъ раскачивая головами, выкрикивали, сколько хватало силы, заданное имъ чтеніе. Тутъ же, на деревянныхъ перилахъ, сидѣлъ, болтая ногами, и самъ меламедъ. Это былъ тщедушный, маленькій еврей, въ засаленномъ люстриновомъ кафтанѣ, подпоясанномъ широкимъ поясомъ. Бархатная ермолка покрывала его макушку. Онъ сидѣлъ, болтал ногами, мотая головою, при чемъ тряслись его длинные рыжіе пейсы, и тянулъ въ носъ какой-то заунывный речитативъ. Когда вошелъ Лейзеръ, все внезапно смолкло. Мальчишки ототкнули уши и, переставъ читать, стали шептаться между собою, съ любопытствомъ поглядывая на Лейзера.

Меламедъ прервалъ свое пѣніе на самой заунывной нотѣ, поправилъ ермолку и пересталъ болтать ногами, вопросительно оглядывая вошедшаго.

— Реби Элизаръ?—низко поклонившись спросилъ Лейзеръ.

— Такъ,—важно отвѣтилъ меламедъ и засунулъ свои руки за поясъ.

— Меня прислалъ къ тебѣ Гирша Шмулькевичъ,—началъ Лейзеръ, но едва онъ произнесъ это имя, какъ меламедъ быстро соскочилъ съ перилъ и подошелъ къ нему.

— Ша!—крикнулъ онъ на зашумѣвшихъ ребятъ и сердито добавилъ:—учитесь, пархатые!

Мальчишки испуганно отшатнулись къ своимъ книгамъ и, заткнувъ уши, съ удвоенною силою начали кричать, мотая головами.

— Давно Гирша пріѣхалъ?—спросилъ меламедъ, отводя Лейзера въ дальній уголъ.

— Сейчас приѣхалъ, со мною вмѣстѣ, — объяснилъ Лейзеръ.

— Такъ... Ну и что онъ прислалъ сказать мнѣ?

— Онъ просилъ тебя дать мнѣ приютъ на эту ночь. Я только-что приѣхалъ и никого тутъ не знаю, — робко проговорилъ Лейзеръ.

Меламедъ видимо разочаровался въ чемъ-то при отвѣтѣ Лейзера.

— У меня дома нѣтъ ночлега, — проговорилъ онъ сухо, — а нашъ бетъ-гамидрашъ открытъ для всякаго честнаго еврея.

И онъ важно отошелъ отъ Лейзера, влѣзъ снова на перила и опять заболталъ ногами, замоталъ головою и затушевалъ свою пѣсню.

— Спасибо тебѣ, — успѣлъ произнести Лейзеръ и тихо отошелъ въ уголъ, гдѣ стоялъ высокій табуретъ.

Онъ сѣлъ на него и грустно задумался. Эта обстановка, бессмысленное оранье 12 мальчиковъ, меламедъ, глубокомысленно болтающій ногами, напомнили ему его недавнее прошлое. Онъ такъ же бѣгалъ въ хедеръ и лучшіе годы свои убивалъ на бессмысленное изученіе Талмуда со всѣми его схоластическими тонкостями и кабалистическими мудростями; такъ же, зажавъ уши, оралъ, что было мочи, читая книги Моисеевы, псалмы Давидовы, притчи Соломоновы; такъ же присутствовалъ меламедъ, болтающій ногами, готовый во всякую минуту броситься звѣремъ на задумавшагося или разшалившагося мальчика... Внезапное молчаніе вывело Лейзера изъ задумчивости. Ученіе кончилось и дѣти, усталыя, измученныя, вяло закрывали ко-

жаные переплеты толстых книг и собирались идти домой. Меламедъ оказался добрѣе, чѣмъ думалъ Лейзеръ, судя по приему. Когда ушли мальчишки, онъ подошелъ къ Лейзеру.

— Ты, можетъ, захочешь поѣсть, такъ вотъ тебѣ! — сказалъ онъ, подавая Лейзеру черствую булку, густо засыпанную анисомъ.

— Благодарю тебя; я, правда голоденъ.

Лейзеръ взялъ булку, и она тотчасъ захрустѣла на его зубахъ.

Элизаръ вынулъ изъ ящика стола двѣ шабашевки ¹⁾ и зажегъ одну. Она загорѣлась, быстро отекая, и блѣднымъ желтымъ свѣтомъ озарила темную комнату.

— Когда сгоритъ эта, зажги другую, — проговорилъ Элизаръ и, постоявъ передъ Лейзеромъ, спросилъ его съ любопытствомъ: — для чего же ты пріѣхалъ сюда, когда никого не знаешь?

— Учиться, — просто отвѣтилъ Лейзеръ.

— Учиться? — и Элизаръ поднялъ палецъ вверхъ. — О, это хорошо! у насъ хорошія школы и ты можешь скоро, при стараніи, прослыть илуемъ ²⁾, а потомъ сдѣлаться и раввиномъ! Ты, вѣрно, много знаешь? ты у кого учился?

Лейзеръ невольно улыбнулся. Совсѣмъ не такъ его понялъ Элизаръ, но онъ все-таки отвѣтилъ:

— Я учился въ Индурахъ, у меламеда Шаломы-Зельмана.

— Знаю, знаю! заболталъ пейсами Элизаръ, —

¹⁾ Сальные свѣчки, по грошу штука, которыя обыкновенно жгутся евреями.

²⁾ Образцовымъ молодымъ человѣкомъ.